

Ирина Табакова

Выбор сердца

Ирина Табакова

Выбор сердца

«Издательские решения»

Табакова И.

Выбор сердца / И. Табакова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857163-3

Повесть в двух частях рассказывает историю Ивана, потерявшего в какой-то момент жизни смысл веры в Бога. Книга основана на реалиях нашей сегодняшней действительности. Отдельные примеры взяты из жизни реальных и даже ныне здравствующих людей. Так, например, исцеленная от смертельного недуга новорожденная Анастасия проживает с родителями в Москве... В качестве иллюстрационного материала использованы фотографии из личного архива автора.

ISBN 978-5-44-857163-3

© Табакова И.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Глава 1 Мир изменился!	7
Глава 2 Баба Маня	12
Глава 3 Родные люди	15
Глава 4 «Девочка со сломанной флейтой»	19
Глава 5 «Кривое мерило»	23
Глава 6 Выбор сердца	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Выбор сердца

Ирина Табакова

© Ирина Табакова, 2018

ISBN 978-5-4485-7163-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Без Христа жизнь не та! Понимаешь это, когда глубже задумываешься над смыслом веры, в которой был крещен в детстве, но не понимал. Это наблюдаемый опыт ныне живущих людей. «Жизнь прожить – не поле перейти» – часто повторяла моя покойная бабушка. Только с годами раскрывается вся полнота этих слов. Много происходит в жизни не без участия окружающих нас людей и обстоятельств. Случается, что человек теряет веру, малодушествует или сомневается в ней.

Взлеты и падения бывают не только у птиц. Гораздо большее это происходит у человека. Но разве из-за падений стоит перестать летать? Не лучше ли хорошенько изучить правила полёта, настроить приборы и смело набирать высоту? Чтобы не упасть – не нужно останавливаться, но всегда устремляться вперед!

История Ивана, потерявшего в какой-то момент жизни смысл веры в Бога, основана на реалиях нашей сегодняшней действительности. Отдельные примеры взяты из жизни реальных и даже ныне здравствующих людей. Так, например, исцеленная от смертельного недуга новорожденная Анастасия, проживает с родителями в Москве.

Свободный выбор сердца человека накладывает отпечаток на всю его жизнь. Сказано: «Добрый человек из доброго сокровища сердца своего выносит доброе, а злой человек из злого сокровища сердца своего выносит злое, ибо от избытка сердца говорят уста его» (Лк. 6:45). Это находит отражение не только в земной жизни. Вечность! Какой она будет для каждого из нас – зависит от воспитания сердца. Серьезные ученые, такие как К. Иксуль, Георг Ритчи, Кюблер – Росс, Майкл Сабом, Раймонд Моуди, русский доктор Петр Калиновский уже официально признали «феномен жизни после смерти тела». К. Иксуль после описания пережитого в книге «Невероятное для многих, но истинное происшествие» ушел в монастырь. Свидетельства этих людей дают возможность задуматься над последствиями нашей земной жизни.

Пусть примером нам станут слова выдающегося мыслителя и созерцателя тайн Божиих, святого Григория Паламы, который на смертном одре выразил нетерпеливое стремление к Богу:

«В горня, в горня! – К Свету!»

С уважением, Ирина Табакова

Посвящается моему покойному отцу...

Глава 1 Мир изменился!

*Простая жизнь, но сколько красок в ней,
Когда умеешь жить, любить и верить.
И сердца глубину нельзя никак
Аршином общим распознать, измерить.
Простая жизнь имеет свой мотив
И цель ее в небесном отраженьи,
То как соната в полутьме звучит,
То струнным маршем теплятся движенья.
Радость и горе, тяжесть от потерь,
Иль торжество победы рвутся в двери.
Простая жизнь, но сколько красок в ней,
Когда умеешь жить, любить и верить!*

«Куда я иду? Зачем? – думал Иван. – Снова будут знакомить меня с очередной молоденькой медсестрой или практиканткой, которая наслышана о моих успешных операциях в больнице и, лебезя, скажет: „давно мечтала познакомиться с талантливым врачом“. Такую формулировку я слышал уже три раза за последние две недели. Все словно сговорились. Постоянно куда-то меня приглашают, знакомят, интересуются моей личной жизнью. Да и с посиделками этими заканчивать пора. Жил себе спокойно, работал. Нет. Надо вливаться в новый коллектив, вот и приходится делать вид что „я в теме“. Всё, пора заканчивать. Лучше бы дежурить остался, мог бы хоть людям помочь...»

Иван Николаевич Тарасов, молодой врач-хирург, шел вдоль набережной, размышляя о жизни. В свои тридцать шесть лет он был уважаемым врачом, защитил докторскую диссертацию и сейчас работал в главной детской городской больнице. Он жил в двухкомнатной квартире в одном из дальних районов города Ярославля. В соседних домах жили его родители и сестра с мужем и детьми. Отец – Тарасов Николай Петрович, детский врач-травматолог, а мать, Татьяна Андреевна, врач-кардиолог той же больницы. Сестра Даша с семьей жили в доме напротив Ивана, так что он мог часто навещать их. Анатолий Сергеевич Пестряков, муж Даши, был бизнесменом, владельцем небольшой строительной фирмы. У них были две дочери: пятнадцатилетняя Вера и семилетняя Нина. В нескольких метрах от дома Ивана располагался храм. Вернее сказать два храма: один небольшой храм-часовня, в честь Владимирской иконы Божией Матери, а рядом выстроился большой каменный храм в честь апостола Иоанна Богослова. Это был своеобразный храмовый комплекс с трапезным корпусом, воскресной школой, сторожкой и даже голубятней. За храмом была небольшая березовая роща, которая выходила на набережную реки Волги. Вид с нее открывался фантастический.

Своей семьи у Ивана не было, все силы он отдавал работе. В Ярославле Иван жил с детства и знал этот город очень хорошо. В дождливый сентябрьский вечер он шел на вечеринку в клуб «Адмирал», который находился в центре города на волжской набережной. Поводом был день рождения Степана Петровича Верховцева, врача-травматолога и давнего знакомого.

Иван Николаевич никогда не любил шумные застолья, а после своего тридцатилетия хотел бы совсем о них забыть. Но потом защитил докторскую диссертацию, поменял работу и предложения «расслабиться после трудного рабочего дня» стали поступать регулярно два раза в неделю. От всех «отбалтываться» не получалось, приходилось принимать предложения. Медсестры на таких вечеринках, любили пожаловаться добросердечному Ивану как им нелегко, как у них после операции дрожат руки и нужно расслабиться. Или начинали с умным видом обсуждать какую-нибудь медицинскую тему, но когда Иван показывал глубоко-

кие познания в этой области, а особенно поправлял их ошибки, разговор деликатно переводился на другую тему. Поначалу Иван слушал жалобы и принимал все за чистую монету, даже делал попытки успокаивать молодых, еще не закаленных в операционном служении медсестер, но потом понял, что они преследовали совсем другие цели.

Иван Николаевич при всей своей привлекательной внешности еще ни разу не был женат. Он не торопился с выбором, хотя мать и старшая сестра уже выбились из сил, уговаривая его создать семью. Они бы не переживали так сильно, если бы он встречался с девушками, общался с ними, дружил. Но Иван все время был занят: учебой, медицинской практикой, диссертацией, а теперь с головой ушел в работу. Девушки словно не интересовали его. И вот «луч света» появился, когда он перешел работать в главную городскую детскую больницу, где было много молодого персонала и особенно медсестер, на которых так рассчитывали сестра и мама Ивана.

«В этой больнице почти каждый месяц у кого-нибудь свадьба. Там много интересных людей, красивых медсестер, на практику приходят студентки. Ваня, ну приглядишься, найди себе там кого-нибудь, порадуешь мать на старости лет, если в твоём сердце осталось ко мне еще хоть немного жалости», – говорила на полном серьезе Татьяна Андреевна Тарасова.

Но Иван не торопился связывать себя узами брака, потому что понимал, что если он женится, то непременно по любви. Он хотел встретить ту, которая будет его понимать и любить не только его внешность, но и душу, со всеми достоинствами и недостатками. Нет, не нужен был ему роман-однодневка, а точнее одноночка. Он не собирался играть чувствами и, расставаясь утром, забывать имя той, которую всю ночь перевозносил... Так делали его знакомые. Именно знакомые, потому что настоящим другом Иван Николаевич считал только своего отца. С ним он мог говорить о жизни часами, особенно когда ходили вдвоем на рыбалку или в лес за грибами. Отец его, Николай Петрович Тарасов, был лучшим детским врачом-травматологом и очень хорошо умел играть на баяне. У него был удивительный слух и музыкальная память. Ему было не сложно подобрать на баяне аккорды к песне, а иногда даже сочинить свою. Когда к нему в отделение попадали дети с вывихнутыми суставами, и нужно было их вправлять на место, он сначала узнавал любимую песню ребенка, а потом они вместе начинали ее петь. И тогда Николай Петрович аккуратно и грамотно выполнял свою работу. Когда ребенок начинал корчиться, чтобы заплакать, дело уже было сделано. Правда случались и тяжелые случаи. Медсестры очень любили смотреть, как он это делает, и всегда радостно улыбались. «Если бы я не пел, то я бы пил или сошел с ума, – шутя, говорил отец Ивану. – Ваня, в больнице больше всего человеческого горя и слез. Тебе как хирургу еще предстоит столкнуться с этим. Я посмотрелся за свою жизнь всякого и одно тебе скажу – учись видеть больше, чем просто диагноз человека».

Ивану нравилось размышлять над папиными словами, но эти он тогда не понял...

А вот и знакомое крыльцо. «Закрывается на спецобслуживание», значит адрес верный. Иван Николаевич позвонил в звонок, ему открыл Захар, брат именинника. Иван зашел внутрь. Обстановка была вполне уютной, у входа стояли кожаные диванчики, большое зеркало, много живых цветов. Иван оставил куртку в гардеробе и прошел в зал. К его удивлению, столов было мало. Они стояли по периметру зала, круглые, на высоких ножках, как и стулья. У стен стояли кожаные диванчики, горели тусклым светом неоновые светильники.

К нему подошел именинник Степан, радостно приветствуя. Иван, не откладывая поздравил его с днем рождения и вручил подарок. Тот был несказанно рад. Степан хотел именно такие часы, известной немецкой фирмы, с двумя циферблатами, водонепроницаемые. Иван купил их во время стажировки за границей.

Главным организатором вечера был лучший друг Степана веселый и общительный врач-анестезиолог Руслан. Он договорился с клубом, составил развлекательную программу. Иван помнил его еще с института.

– Привет брат! – Руслан похлопал по плечу Ивана, – рад видеть, проходи, почувствуй себя как дома, но, не забывай, что ты в гостях! Скоро начнется шоу-программа.

Руслан широко улыбнулся и показал рукой на банкетный зал. Он почти всех своих знакомых называл братьями, считая, что это роднит. Иван улыбнулся в ответ и увидел за спиной Руслана смотрящую на него молодую белокурую девушку, которая направилась прямо к ним.

– Здравствуйте, господа! – послышался вежливый голос.

Девушка в золотистом длинном платье с широким декольте пристально смотрела на Ивана. Руслан заговорил в ответ.

– Элеонора! Как хорошо, что ты подошла. Мне нужно переговорить с барменом, а вы тут пока познакомьтесь. Иван у нас перспективный врач, а Элеонора прекрасная молодая обаятельная девушка, – Руслан взял ее за руку, потом отпустил и продолжил, – хочет устроиться к нам сразу после института.

Последние слова он сказал на ухо Ивану довольно тихо и подмигнул ему. Молодые люди остались вдвоем. Немного поговорили о работе. Элеонора смотрела, не сводя глаз с Ивана, что показалось ему слишком вызывающе. На огромных каблуках она почти на голову была выше его. У девушки был весьма приятный голос и длинные кудрявые белокурые волосы. Ивану она могла бы понравиться, если бы не такое обилие косметики на лице. Особенно красная помада. Наверно из-за своей работы он не мог выносить красную помаду на губах женщин. Ему часто приходилось видеть кровь, чтобы оценить модный тренд. Вскоре Элеоноре наскучило беседовать с Иваном, и она демонстративно ушла чего-нибудь выпить.

Вечеринка еще не началась. Гости подходили, собирались. Негромко играла спокойная музыка. Пышного застолья не предполагалось. Позже Иван узнал, что особенностью этого вечера должно было стать не застолье, а «безудержное веселье», так называл Руслан шоу программу со сменяющимися друг друга танцевальными номерами, стриптизом и большим количеством выпивки. На круглых столах по периметру зала уже были расставлены бутылки, фужеры, а для закуски – фрукты с мясной и сырной нарезкой на тарелках. Иван решил сходить в туалет и у выхода из зала заметил двух медсестер из больницы Веру и Наташу, с которыми он частенько встречался на лестнице или в ординаторской. Они устроились работать в больницу недавно.

– Добрый вечер. – Поздоровался Иван.

Девушки обернулись.

– Иван Николаевич, рады вас видеть, – ответила Наташа. – Вы сняли белый халат. Вам так идет этот костюм!

Вера кивнула и приятно улыбнулась. Иван заметил, что она выглядит очень мило. Особенно ее улыбка, она была привлекательной. Иван вспомнил уговоры матери найти себе девушку и решил продолжить разговор. Он выбрал тему, не относящуюся к медицине, и был уверен, что его поймут. Кто же не читал Достоевского?!

– Знайте, я тут перечитываю Достоевского, – начал Иван, – и открываю для себя много нового, то, чего раньше даже не замечал. Все-таки он был глубоким мыслителем. Умело почувствовал сердцем человеческое горе, описал его, выстрадал. Удивительно, но эти бессмертные слова про «битву в сердце человека», актуальны сейчас и будут актуальны всегда, – оживленно говорил Иван.

– Да, вы правы, – ответила Вера, серьезным взглядом посмотрев на Ивана, – его знаменитый роман «Мастер и Маргарита» меня просто потряс. Экранизацию недавно показывали по первому каналу – просто «отпад».

– Я смотрела, – вмешалась Наташа, – там была эта откровенная сцена, когда Маргарита летала ночью... – вспомнила она и заговорчески хихикнула.

– Пойдите! – возразил Иван. – Я говорю про Федора Михайловича Достоевского, а «Мастера и Маргариту» написал Булгаков.

– Аа... – несколько смущенно отозвалась Вера и замолчала, потом девушки перевели разговор на другую тему.

– Я вчера так устала на дежурстве, – начала говорить Вера, – надоели эти «подай», «принеси», «сходи», я же не прислуга. Да еще таким тоном обращаются...

– И не говори, – откликнулась Наташа.

Иван понял, что разговор исчерпал себя и, извинившись, ушел. Он решил, что немного проветриться не помешает, поэтому вышел на крыльцо, где курил Руслан. На улице шел моросящий дождь.

– Через пять минут начинаем веселье, – радостно заявил Руслан, – даже этот дождь нам не помешает. Как настроение? Что-то ты невеселый.

– Ты Достоевского читал? – неожиданно спросил Иван.

– Кто ж его не читал! – одобрительно отозвался Руслан. – Мне больше всего «Идиот» понравился, есть над чем посмеяться, – он улыбнулся, потом продолжил, – а почему ты спрашиваешь?

– Да, так. – Выдохнул Иван. – Думал, Федор Михайлович «вышел из моды».

– Ты что, брат, это же бессмертный автор и его бессмертные произведения еще наши потомки читать будут. О жизни думать, о добре и зле размышлять, – Руслан сделал серьезное лицо.

Вскоре все собрались, а было человек двадцать пять, расселись за столы, началась праздничная программа. Выпивка лилась рекой. Руслан предупреждал, что хочет сначала «заправить всех горячим», то есть выпивкой, а потом устроить дискотеку с танцами-обжиманцами. Степан его поддерживал. Вечер начался вполне прилично. Три песни спела победительница конкурса «Голос Пошехонья» Оксана Приспелова. Она являлась молодой женой брата именинника, поэтому не могла пропустить такое событие. Ее тонкий и очень красивый голос заворожил всех. После победы на конкурсе, ее нарасхват одолевали московские продюсеры. Все прочили девушке звездную карьеру. А Ивану всегда было жаль звезд шоу-бизнеса. Никакой личной жизни, браки, разводы, не понятно с кем дети. Особенно у актеров. Ему казалось, что будь он актером, то непременно сошел бы с ума. Раздвоение или разтроение личности было бы ежедневной реальностью для него. Иван любил свою семью, папу и маму, что было для него образцом, по которому сам собирался строить свою жизнь. Но пока что-то не клеилось.

Потом на сцену вышел ведущий Карим Титов, за ним Карен Сачинов и начали популярное в ночных клубах шоу «Реальные шутки». Вот уже появились пошлости, пошли в ход матерные слова. Когда они достали водные пистолеты и стали брызгать на всех, обыгрывая это непристойным видом, терпению Ивана пришел конец. Встав с места, он направился к выходу из зала, прошел по коридору на задний двор. Он собирался немного проветриться и позвонить. Открыв дверь, он потерял дар речи. Там на заднем дворе, не стыдясь, прижавшись к дереву, стояли жена Руслана с каким-то официантом. Иван машинально закрыл дверь.

«Что за Содом и как я сюда попал? – думал в растерянности Иван. – Неужели у всех людей все мысли только об одном? Пошлые матерные шутки, плоский юмор, да еще это – измены! Куда катится мир? Нет. Такой содомский мир долго не простоит. Верно, говорили баптисты вчера на остановке, что скоро конец света».

Вернувшись в зал, он хотел найти Руслана, но его нигде не было. Тогда бармен сказал, что он ушел на кухню за бутылкой виски. Иван направился туда и, включив в коридоре свет, увидел Руслана в обнимку с Верой, которая еще недавно «обнажила» перед ним свои неглубокие познания классики русской литературы.

– Брат, ты как здесь оказался? – Вытирая губы и поправляя край рубашки начал говорить Руслан.

– Тебя ищу, поговорить хотел, – ответил Иван.

Девушка быстро проскочила в зал.

– Ты здесь с ней, а твоя жена там... – Иван остановился, подбирая слова.

– Тише, тише. Что ты волнуешься, всё нормально.

– Твоя жена с этим парнем, официантом, а у тебя всё нормально? – неподдельно удивился Иван.

– Тише, я тебе говорю! – немного прикрикнув, сказал Руслан. – Всё в порядке. Ей тоже надо расслабиться. Вот мы и решили на вечер сделать вид что неженаты. Это по взаимному согласию. А завтра утром никто никого не будет попрекать, мы снова будем муж и жена, любящие друг друга. Да все так делают! У Володьки жена каждую неделю с новым медбратом на фитнес ездит, ты думаешь, он ее просто так возит? А что они втроем вытворяют... Просто у нас в стране не разрешено многоженство, а мы, мужики, народ полигамный, нам разнообразие нужно, новые впечатления. Вот в восточных странах даже наложницы разрешены, не считая четырех законных жен...

Иван стоял, потеряв дар речи. «Разве такое может быть в культурном человеческом обществе? Измены, предательства, ложь и разврат. Не об этом ли писал Достоевский в романе «Бесы»: «надобно только одно или два поколения разврата неслыханного, подленького, когда человек превращается в гадкую, трусливую, жестокую, себялюбивую мразь...». Всё, надо выбираться из этого ада!»

– Мне пора, – решительным голосом сказал Иван, – завтра на дежурство.

– Но ты же подменился, – начал возражать Руслан.

– Ничего, все равно приду, лишним не буду. Мне не понятно то, чем вы тут занимаетесь. Принять измены как норму – это выше моих сил, – Иван развернулся, чтобы идти.

– Брат! – Руслан схватил его за руку, – только главному ничего не говори, он мужик строгий.

– Руслан, – сказал Иван, высвобождая руку, – перестань называть меня братом, к чему это притворство? Не скажу ничего, ты нужен больнице как хороший специалист. Но с меня довольно этих пошлостей.

Иван забрал в гардеробе куртку и вышел на улицу. Светила луна, небо было безоблачным и звездным. Если бы не холодный ветер, можно было бы встретить на лавочке рассвет. Половина первого ночи. «Холодный ветер – это то, что мне сейчас нужно, – размышлял Иван, глядя в темную даль реки, – а лучше холодный душ. Неужели, мир так переменялся? Почему все помешались на сексе, пошлых и матерных шутках, двуличии, зависти, лести, обмане? На работе держаться установленного порядка, а когда расслабляются, и можно разглядеть сущность человека, то смотреть тошно... Я не перестану с ними здороваться, мы работаем в одном заведении, но больше никаких совместных вечеринок. А главное – как сейчас верить людям? Женюсь я, а кто мне будет гарантировать верность моей жены? Я не хочу жить в этом Содоме. Самое ужасное, что постепенно человек начинает считать измену нормой жизни, оправдываясь: „все так делают“. Но разве это не путь в погибель? Как же Вы были правы, Федор Михайлович!..»

Немного пройдя вдоль набережной, Иван свернул к остановке, вызвал такси и уехал домой.

Глава 2 Баба Маня

Иван Николаевич Тарасов жил в отдельной квартире, которую настояла купить мама, думая, что так ее сын быстрее женится. Не то, чтобы Ивана совсем не интересовали девушки, но каждый раз возникало что-то, что меняло его отношение к понравившейся с первого взгляда девушке. Ему не нужна была супер красавица, но в то же время он понимал, что внешность не последнее дело. Симпатия нужна, но если кроме нее ничего нет, на одной внешней привлекательности прочного счастья не построишь.

Зато Иван девушкам нравился. Высокий, черноволосый, кареглазый с красивой бело-снежной улыбкой в институте захватывал умы студенток. Но зачастую, девушки не выдерживали экзамена «Достоевским». Иван очень любил читать Федора Михайловича и думать вместе с ним над глобальными вопросами. Одного только он не понимал: как верил писатель? Почему в своих книгах он поднимал вопросы веры в сравнении с пороками людей и нигде не раскрывал всю сущность веры до конца. Или Иван не заметил? Он не понимал, что должно быть той отправной точкой, с которой у человека начинается другая не формальная, а реальная жизнь с Богом? В детстве прабабка Поля водила в храм Ивана. Потом пришли времена безбожия, и он на несколько лет забыл звон пасхальных колоколов.

Потом снова открыли храмы, и народ потянулся туда. Иван иногда ходил с сестрой и матерью, но потом решил, что ему это не нужно. Не понимал он, зачем туда идти? Ходили в детстве, потом не ходили, но жили же, не умерли. Зачем молитвы читать перед едой? Все равно поешь, что помолишься, что нет. Сдобы в сухарях не прибавится от прочтения над ними молитвы.

Слышал Иван и о чудесах, особенно от бабы Мани, санитарки в больнице, но не предавал им значения. Он, конечно, радовался, видя сияющее лицо женщины, но Бог ли ей помог, это сначала нужно было доказать.

В семь утра Иван еще спал в мягкой кровати своей холостяцкой квартиры, когда раздался телефонный звонок. В больницу привезли тяжелого пациента. Дежурный хирург сломал руку, а другой был в отъезде.

Даже не позавтракав, Иван быстро умылся, оделся и поехал в больницу. Голова была тяжелая после вчерашнего веселья. Иван твердо решил закончить с посещением подобных мероприятий. Хотелось что-то изменить в жизни. Операционная была уже готова, результаты необходимых анализов получены. Операция длилась три часа, прошла успешно, прогнозы были самые обнадеживающие.

Несколько уставший Иван пришел в ординаторскую. Туда же заглянула баба Маня, держа в руках ведро, швабру и что-то в белом целлофановом пакете.

– Можно? – осторожно спросила она.

– Конечно, что вы спрашиваете, словно я здесь хозяин, – приветливо ответил Иван, – если вы мыть, то я не помешаю, прилягу ненадолго. Скоро обход делать.

– Сынок, – нежно произнесла баба Маня, – ты сначала поешь, ведь наверно голодный приехал. Вот, возьми, это я в столовой взяла, так и знала, что у тебя не будет сил идти обедать.

Баба Маня поставила на стол пакет с едой. Выложила оттуда три пластиковые баночки разной формы и несколько кусочков черного хлеба, завернутых в салфетку. Иван был приятно удивлен.

– Что вы, не стоило беспокоиться, – ответил он.

Иван встал, проверил в чайнике воду и поставил греть. Потом ласково посмотрел на старушку.

– Что бы я без вас делал, баба Маня, – он слегка обнял ее за плечи.

– Я ваша должница, Иван Николаевич, – улыбаясь, официальным тоном ответила баба Маня.

– О чем вы говорите? – удивился Иван.

– Помните, я вам звонила, когда внук на даче поранился сильно, вы мне сказали что нужно делать? Мы тогда без операции и осложнений обошлись.

Иван сел на стул и широко улыбнулся.

– Это же моя работа!

– А моя работа, чтобы все дети были сыты, – улыбнулась в ответ баба Маня.

– Вы мне напоминайте мою покойную бабу Полю.

– Ну, если это приятные воспоминания, пусть будет так. Ладно, я пошла, ешьте, Иван Николаевич, отдыхайте.

Баба Маня взяла свои рабочие принадлежности и вышла за дверь.

Чайник подал сигнал, что вода закипела. Иван заварил чай, сел за стол и начал есть.

«Почему современные девушки не такие как баба Маня? – думал про себя Иван, – у нее добрые глаза, лучезарная улыбка и забота, бесконечная забота о ближних. Она все время кому-то помогает, никогда не пройдет мимо чужого горя. А современные девушки... Одеты по последней моде. Правда, если бы мне сказали, что автор такой моды сумасшедший, я поверил бы. Даже красивое лицо умудряются испортить косметикой. Не подчеркнуть особенности красоты, а именно испортить. А манеры, разговоры... Матерящаяся девушка с бутылкой пива и сигаретой в руках – вот образ современной матери. Да разве это мать? Чему она научит своих детей! Нет, лучше быть одному, чем с такой модной, современной и пустой...»

В ординаторскую вошла медсестра Анжела, поздоровалась и быстро подошла к шкафу с документами. С виду миловидная, спокойная девушка, но Ивана пугало ее увлечение панк-роком и периодические выездные встречи с обилием выпивки. Хотя Анжела говорила, что не пьет, но Иван не понимал, какой интерес трезвой тусоваться со здоровыми мужиками, какими были ее друзья – панки. Проверить это он так и не решился, на приглашения девушки отвечал отказом.

Месяц назад здесь работала медсестрой Карина, простая девушка. Она вполне нравилась Ивану. Он даже сходил с ней один раз на свидание и подарил герберу. Но потом Карина деликатно призналась, что её позвали замуж и она согласилась. Через месяц у нее была свадьба в Праге, где она собиралась остаться жить и работать с мужем. Иван не сильно расстроился, он уже привык, что с девушками у него не получается долгих, серьезных отношений. Так было и в институте. На первом курсе они с ребятами ходили на студенческие дискотеки, даже в общаге одно время жили, чтобы к девушкам поближе. В итоге, его одногруппники переженились к пятому курсу, а он даже ни с кем нормально не встречался. Ответственность из-за не выученных уроков брала верх. В то время, пока ребята засыпали с девушками, Иван засыпал с книжками, что позволило ему стать лучшим студентом выпуска.

Мама хотела его женить и сильно переживала по этому поводу, но он только разводил руками и говорил: «Прости, не сейчас» или «это не мое». На что мама отвечала: «А где же твое? Когда твое будет? Я хочу от тебя внуков, наконец!» – Эта сцена всегда заканчивалась одинаково: Иван обнимал мать, успокаивал ее и, признаваясь в любви, целовал в голову.

Вторая половина дня прошла спокойно, тяжелых и срочных операций не было. Иван достал телефон, открыл вкладку календаря. Сентябрь, двадцать четвертое число. Тут его осенило: «у Нины завтра день рождения! Совсем заработался!»

Нина – семилетняя дочь Дарьи Николаевны, старшей сестры Ивана. Девочка очень любила своего дядю и давно его не видела. Разлуку более трех дней Нина называла долгой. Больше всего она любила, когда у дяди Ивана был отпуск, который они с бабушкой или дедушкой проводили в деревне, а иногда всей семьей выбирались на море.

У Нины была старшая пятнадцатилетняя сестра Вера, с которой они жили вполне дружно, правда старшая иногда показывала свое превосходство над младшей. Но до крупных ссор дело не доходило. Нине нравился рассказ Веры о том, как в детстве, когда она была еще

совсем маленькой и сильно разболелась, с ней сидел дядя Иван. Мама тогда уехала на защиту докторской диссертации, а любимый дядюшка получил необходимые знания и отлично защитил диплом. Он чувствовал себя настоящим врачом, поэтому на полном серьезе лечил Веру, слушал через трубку, выписывал лекарства и сам ходил за ними в аптеку. А по пути заходил в магазин, покупал фрукты и маленькую шоколадку, чтобы поднять настроение девочке, но не испортить лечение...

Собираясь домой, Иван Николаевич переоделся, взял сумку и вышел на улицу. Предстояло выбрать подарок, но такой, чтобы обязательно понравился и пригодился. «Что же подарить моей дорогой девочке?» – думал Иван, сворачивая к детскому магазину. Вдруг он увидел, как по другой стороне улицы шли Руслан с женой под ручку и о чем-то улыбаясь, беседовали. Он не видел всего, что было вчера, но сама мысль о возможности измены вызывала отвращение. «Измены по взаимному согласию...» – это что-то из ряда вон выходящее. Пример отца с матерью, сестры с мужем, их любовь и верность друг другу, взаимопомощь, поддержка, все это не давало Ивану сильно расстраиваться по поводу окружающей действительности. «Наверняка, есть где-то люди, которые верны друг другу, молодые, счастливые и верные» – думал Иван. По крайней мере, в это хотелось верить!

В детском магазине выбор подарков оказался невелик. Иван купил современную молодежную игру «Дженга». В ней были деревянные брусья, из которых сначала нужно построить башню, а затем, вынимая поочередно по одному брусу из низа класть их наверх. Игрок, после которого башня падала, считался проигравшим.

Глава 3 Родные люди

– И никаких возражений! – решительно заявила Нина, когда дядя Иван начал отказываться оставаться на ночь у нее в гостях, – ты сегодня мой гость и обещал поиграть со мной в игру и посмотреть мультфильм про Ивана Царевича. Снова будешь откладывать на неопределенный срок? Я так тебя никогда не дождусь, ты же обещал!

Девочка скривила лицо. Празднование дня рождения Нины было семейным. Бабушка с дедушкой подарили куклу и самокат, чему Нина была очень рада. В разговор вмешалась бабушка.

– Да, сынок, – сказала Татьяна Андреевна, – раз уж обещал – выполняй!

– Хорошо, – согласился Иван.

– А нам с отцом уже пора, – кивнула она Николаю Петровичу, сидевшему в гостинной в мягком кожаном кресле на колесах.

Когда они ушли, Даша стала убирать со стола.

Нина была довольна праздником, подарками и встречей с дядей Иваном. Они около часа играли в новую игру, затем полтора часа смотрели современный мультфильм про Ивана Царевича, так что под конец Нина уснула.

– Пойдем, посидим на кухне, чаю попьем, – предложила Даша, выключая телевизор.

Она была старше брата на шесть лет, работала заведующей клинико-диагностической лабораторией. Ее муж, Анатолий Сергеевич Пестряков, сорокапятилетний бизнесмен, был директором небольшой строительной фирмы.

В комнату вошел Анатолий, взял дочку на руки и отнес в комнату. Было начало первого. Даша с Иваном прошли на кухню.

– Можешь не рассказывать, как прошел день рождения, уже вся больница знает, что ты ушел раньше, чем подавали торт, – начала Даша, разливая чай в красивые фарфоровые чашечки.

– Из него случайно голая девушка не выпрыгивала? – спросил Иван.

– Как ты угадал? – подтвердила догадку Даша, – только она была в купальнике. Говорят, ты ушел слишком рано...

– Были причины, – заметил Иван, – а ты откуда об этом узнала?

– Глупо получилось, – ответила Даша, – на крыльце случайно слышала, как разговаривали Вера с Наташей. Они говорили громко, словно были там одни. Называли тебя «Иванушкой-дурачком», – Даша сделала паузу, потом продолжила, – прости. Неприятно это говорить, просто хочу, чтобы ты знал, с кем работаешь. Будь осторожен, я не хочу, чтобы кто-то разбил тебе сердце.

– Я многое для себя понял... – начал Иван, – спасибо, сестра. Если вы с мамой заботитесь о моем сердце, то я в надежных руках.

– Послушай, – серьезно начала Даша, – я понимаю мамины переживания, она просто хочет, чтобы ты был счастлив, я тоже этого хочу, но с нормальной девушкой... – Даша вздохнула и, немного помедлив, продолжила, – если такая вообще есть на свете. Мне порой кажется, что мир сошел с ума, особенно после парадов по телевизору...

Возникла пауза. Иван продолжил.

– На свете еще много девушек, с которыми я не имел чести познакомиться, – ободрительно начал он, – среди них должны быть простые, понятные, заботливые, как наша баба Маня.

Даша вскинула брови и улыбнулась.

– Ты чего ее вспомнил? Тебе нравятся девушки постарше?

– Ага, намного постарше, – подыграл Иван.

И он рассказал, как баба Маня заботливо накормила его.

– Я ведь только когда есть стал, понял, насколько был голоден, до сих пор помню вкус тех двух котлет, – признался Иван. – Это ж надо иметь такое чуткое сердце! Я ведь ее в тот день даже не видел, пока она ко мне в ординаторскую не зашла.

– Баба Маня и меня много раз выручала, – призналась Даша, – то деньги на телефон положит, то листы с анализами принесет, а ведь ноги у нее болят. Шестьдесят пять лет уже. А молодые медсестры у нас как специалисты грамотные, но в нравственном плане сильно подпорченные. Ты уже знаешь про Руслана и их свободные семейные отношения?

– На вечере было для меня откровением, – серьезно ответил Иван, – я шел к нему, думал как бы помягче про жену сказать, а он с медсестрой...

– Не удивляйся, сейчас время такое, надо держаться самим, не сдаваться, не прогибаться под испорченный мир, – сказала Даша.

– Я даже про Содом и Гоморру вспомнил. Огня и пепла вчера не хватало, чтобы прекратить весь этот разврат.

– А мама переживает, что ты Библию не читаешь, – обрадовалась Даша.

– Такой яркий сюжет я не мог не запомнить, – ответил Иван, – да только где Он, Этот Бог, когда такое происходит вокруг?

– Бог ненавидит грех и беззаконие, но долго терпит, ждет, не исправятся ли грешники, – спокойно сказала Даша, – истинно сказано в пятом псалме Псалтири: «возненавидел Ты всех, делающих беззаконие. Ты погубишь всех, говорящих ложь; кровожадным и коварным гнушается Господь».

– Вот вы с мамой каждое воскресенье в церковь ходите, молитвы читаете, а что вам это дает? – с неподдельным интересом спрашивал Иван. – Мир как лежал во зле, так и погружается в него все глубже и глубже.

– Нам Бог дает силы жить! – утвердительно сказала Даша. – Жить среди этого мира, который хоть и идет в погибель, но еще как-то держится. Не все же сплошь развратники и прелюбодее. Приходи к нам в храм, я познакомлю тебя с другими людьми, светлее и добрее. Нас объединяет одна цель – стать истинными христианами, а не просто умными, начитанными людьми.

– Это ты сейчас обо мне говоришь?

– Родной мой, – ласково сказала Даша, – я раньше сомневалась, как и ты, искала отговорки, чтобы не ходить в храм. Взвешивала «за» и «против». Но потом поняла, что если я хочу обрести спасение души, увидеть Бога и жить с Ним в Его Царстве после смерти, надо решительно менять свою жизнь. Я стала узнавать веру православную, в которой была крещена с детства, но не знала совсем. Тогда ведь вера была запретной темой. Мы с мамой вместе ходили на занятия, где нам рассказали много удивительного, интересного и важного о Боге и жизни по заповедям Его.

– Но при чем тут храм? – не унимался Иван.

– А как же без него, – решительно ответила Даша, – храм – это дом Божий, Сам Иисус Христос об этом говорил. В храме тебя и меня крестили, и другие Таинства совершаются там, чтобы через них преподать нам благодать Божию и силы жить. «Кому Церковь не Мать, тому Бог не Отец» – верно говорила баба Поля. Иисус Христос создал Свою Единственную Церковь, которую не одолеют врата ада и мы, православные христиане, идем к целебным водам Её Таинств, чтобы спастись!

– И что дальше? – подозрительно спросил Иван.

– А дальше все зависит от нас, – Даша развела руки в стороны, – я не знаю, какая у тебя цель жизни и насколько она простирается за ее пределами, но со смертью тела жизнь не заканчивается. Ты, вероятно, слышал о случаях возвращения к жизни после клинической смерти?

Она посмотрела на Ивана, тот молча сидел и слушал.

– Тебе знакомо то чувство, когда сделал все возможное, а человека не спас? – продолжала Даша. – Или думал, что не жилец, а он выкарабкивается из сложнейших болезней? Пару месяцев назад говорили в больнице про одну женщину с третьей стадией рака, которая после паломнической поездки в Почаев к чудотворной иконе Божией Матери полностью исцелилась. – Иван пытался вспомнить, но он тогда был занят работой и не вникал о чем шли разговоры «по углам». Даша продолжила, – в медицинском заключении написали, что первоначальный диагноз был поставлен ошибочно, пациентка была здорова. Но это не так. Я сама видела результаты ее анализов. Просто врачи испугались перед чудом Божиим. Не нашли в себе силы поверить и признать.

– А что было бы, если бы они поверили? Что бы им это дало? – парировал Иван.

– Чудом Бог нам напоминает о Себе, о Своем всемогуществе, – нашла, что ответить Даша, – Он – наш Создатель и Творец, а мы забыли Его и не слушаем. Отсюда все эти беды, болезни, пороки нашего общества.

– Заметь, современные священники тоже ими болеют, – чувствуя свою правоту, заявил Иван, – взять, к примеру, тот случай, который недавно в новостях показывали. Пьяный священник сбил человека...

– Они тоже люди, а дьявол умен и коварен, – спокойно ответила Даша. – Уважаемый тобой Достоевский показал механизм воздействия темных сил на человека в «Бесах». Это они научают противным и гнусным грехам. Кто-то их не слушает, а кто-то идет на поводу, как верный пес. Но выбор делает сам человек. Только он в глубине своего сердца решает, кого слушать – Бога или дьявола. Должность или ученость не дают преимущества человеку. Ошибиться может каждый, если с ним не будет Бога.

– Значит, с тем священником Бога не было? – интересовался Иван.

– Бог не творит греха и не одобряет его совершение, но может попустить случиться, если знает, как из него извлечь пользу.

– Какая польза человеку лежать с переломами в больнице? – не понимал Иван.

– Не скажи, – возразила Даша, – может он задумается о смысле жизни? К Богу придет, в грехах покается...

– А если человек не делает страшных грехов, но и в церковь не ходит¹..., – возражал Иван. – Вот вам с мамой там нравится, а мне ничего не понятно. Да и смысла в выстаивании служб я не вижу.

– А выстаивать и не надо, – Даша одобрительно поддержала брата, – богослужением надо жить. Его нужно понимать, любить и участвовать как полноценный член Церкви Христовой. Только тогда будет польза душе. Наша вера живая. А живая вера – это общение с живым Богом, а не просто сумма знаний о Нем. В храме мы вместе молимся, ощущаем единство в вере, так мы сильнее.

– Если уж так нужно, можно и дома молиться, – заметил Иван.

– Конечно, нужно и дома, и на улице и в храме – всегда молиться. Так учит Церковь, потому что так повелевает Бог! – радостно подхватила Даша. – Молитва от зла охраняет, силу Божию привлекает, а с Богом нам никакой враг не страшен.

– К такому пониманию еще нужно прийти.

– Правильно, но нужно идти, а не сидеть, сложа руки, – улыбаясь, ответила Даша, – пора уже крещеному человеку познакомиться с Богом, во Имя Которого он крещен. – Даша смотрела на Ивана как нежно любящая мать, ее голос звучал мягко, заботливо. – Все просто. Сначала нужно узнать основные и главные понятия о Боге и вере, например в книге Филарета Дроздова «Православный Катехизис». Я тебе дам, если хочешь. Потом приучать себя к памяти о Боге. Ходить перед лицом Его всегда. Нужно стать своими Богу, тогда Господь своих не оста-

¹ См. <https://azbyka.ru/mozhno-li-byt-xoroshim-i-ne-spastis> А. Ткаченко «Можно ли быть хорошим и не спастись?»

вит. Не мне тебе объяснять, что есть знакомые, есть хорошие знакомые, а есть лучшие друзья. С кем проще и быстрее договориться?

– Ты знаешь ответ, – быстро ответил Иван, а Даша продолжила.

– Православные христиане – это дети Божии, а детям подобает любить родителей, ну или как минимум их слушаться.

Еще час просидели на кухне брат с сестрой, вспоминая юность, учебу, жизнь. Они с Иваном жили дружно, в детстве, да и в юности, не было причин для ссор или соперничества. Может, повлияло грамотное воспитание родителей, которые воспитывали каждого в соответствии с будущим предназначением. Даша росла маминой помощницей и заботу матери к отцу копировала на брата, так сказать, готовилась к семейной жизни. А брату нравилось приходиться из школы, чтобы сестра его кормила, на тарелочке подавала еду. Он без напоминаний после себя мыл посуду, выражая искреннюю благодарность сестре.

Однажды, у мамы был день рождения, но она в этот день работала и должна была прийти домой поздно. Папа тоже был занят. Тогда они сами решили сделать маме в подарок торт. Нашли рецепт в книге, сделали тесто, взбили яйца с сахаром, добавили муку. Все делали, как написано. Вылили в форму и поставили в духовку. Прошло минут пять, и Ваня решил посмотреть, как там печется торт. Он приоткрыл духовку и увидел пышный бисквит, который на его глазах, почему то быстро осел. Стал низким, почти как блин. Ваня подумал, что он потом снова поднимется, но чуда не произошло. Когда пришло время вынимать бисквит из духовки, он так и остался низким, оседлым. Сестра расстроилась, но Ваня предложил сделать много украшений сверху, чтобы было не так заметно. В итоге, сделали его с печеньем. На корж намазали крем, положили два ряда печенья, промазанного тем же кремом, и украсили сверху кусочками ягод и листьями мяты. Мама, конечно, была рада и оценила поступок детей. Но за чаем смеялись все, когда мама говорила, что нужно было дочитать рецепт до конца, где было написано: «не открывать духовку хотя бы первые 10—15 минут, чтобы бисквит не осел».

Когда Ивану было 12 лет, кто-то посоветовал ему прочитать «Подросток» Ф. М. Достоевского. С тех пор он полюбил этого писателя и с наслаждением и интересом читал его книги. Иван не просто читал, он подолгу думал, размышлял над прочитанными словами в ночной тишине...

Глава 4 «Девочка со сломанной флейтой»

Утро началось в девять часов. Нина выпалась и пришла рассказать дяде Ване, что солнце встало. Громким голосом в дверях она произнесла сочиненные Верой и прочитанные ей вчерашние строчки:

*Доброе утро, родной человек,
Солнце проснулось и светит в окно.*

Пробираясь к кровати, медленно продолжала Нина с выражением:

*Мне бы позавтракать надо давно,
Но без тебя не начну я денёк.*

Она покачала головой из стороны в сторону, заинтересованно глядя на дядю.

– С добрым утром, моя хорошая, уже как птичка щебечешь, – Иван слегка потянулся.

– Этими словами меня вчера будила Вера, – Нина, улыбаясь, продолжала, – она держала в руках шарики и когда я открыла глаза, протянула их мне. Так началось утро моего вчерашнего дня рождения.

– Заряд радости на целый день, – улыбался Иван.

– Да, – улыбалась Нина, – обещаю, что ты мне считаешь книжку, – настойчиво говорила она, устраиваясь возле Ивана на разобранном диване, большом как «футбольное поле».

– Хорошо, давай после завтрака, – быстро согласился Иван.

Книги в семье любили читать все. Это был своеобразный обычай. На хороших книжках выросло не одно поколение. И в семье Ивана любили собираться вместе и читать. Герои рассказов словно оживали. Слушатели переносились туда, где происходили события. Один читал вслух, остальные в это время могли просто сидеть, или заниматься рукоделием или прочими делами, которые можно было совместить. Из книжек узнавали, что делать нужно, а что нельзя ни при каких обстоятельствах. В семье Ивана любили размышлять над прочитанным, чтобы применять к собственной жизни. Поэтому, когда пятнадцатилетняя Вера говорила маме «давай читаем книжку», это означало, что ей хочется с мамой поговорить о серьезном, подумать о важном, а порой посмеяться с героями рассказов. Что-то читали в одиночку, но некоторые книжки читали вместе и не по одному разу. Такое совместное чтение и размышление очень сплачивало семью, обозначало путь развития личности, путь становления индивидуальности.

После завтрака, Нина увела дядю в комнату, усадила на диван и дала ему в руки небольшого формата красочную книгу. Страниц в ней было не больше ста. Местами встречались страницы с картинками, что помогало более живо воспринимать описанные в рассказе события. Нине это очень нравилось.

– «Девочка со сломанной флейтой», – произнес вслух Иван название книги, – ты уверена, что хочешь почитать именно ее?

Нина молча кивнула и села рядом с дядей на диване.

– Какое-то грустное название..., – смутился Иван.

– Дядюшка, – ласково сказала Нина, – ты сам говорил, что не внешность красит человека, а человек внешность.

– Так и есть!

– Так и не название красит книгу, а ее содержание, – просто ответила Нина.

– Какая ты у меня умная стала, моими же словами отвечаешь, – улыбнулся Иван и начал читать.

«Эта история произошла в одном маленьком провинциальном городе, где росли липы, и цвела по весне сирень. Весь город наполнялся ее ароматом и люди становились либо ворчунами, либо невероятно счастливыми. Это зависело от того, нравилась им сирень или нет. Ведь если тебе нравится запах сирени, выйдя на улицу, ты будешь радоваться, ощущая его вокруг. Но если нет, то можно легко превратиться в ворчуна.

Арина, казалось, любила все, что ее окружает. Никто не видел ее грустной или расстроенной. В тот год Пасха была ранней и сирень еще не начинала цвести. Похороны пришлось на среду Светлой седмицы. Все были поражены, что пятнадцатилетняя Арина умерла внезапно, совершенно не болев перед этим. Поговаривали, что она знала о дне своей смерти, потому что за три дня раздала все скудное имущество и ходила подозрительно счастливая и радостная. Она словно чего-то ждала. Поздно вечером в Великую Субботу, когда народ стал собираться на светлую заутреню, кланялась в ноги всем и просила прощения. «Даст Бог, увидимся! Даст Бог, увидимся!» – повторяла она. Люди тогда не поняли, что Арина прощалась со всеми.

Когда началась служба, она стояла у самых входных дверей и тихо, затаив дыхание слушала все, что происходило за богослужением. Когда люди начинали ворчать друг на друга, ругаться из-за лучшего места, она говорила: «Бог мира да будет между нами». Так и повторяла, пока люди не успокаивались. Когда наступило время причастия, Арина, сложив руки крестообразно, благоговейно подошла к Чаше, затем к столику запить и снова встала у входных дверей. Когда все уходило, она каждому с улыбкой говорила: «Христос Воскрес!» И люди ей отвечали: «Воистину Воскрес Христос!»

Никто не знает, во сколько часов это произошло, но утром сторож храма нашел Арину, лежащую в белом платье мертвой возле одной из могил у алтарной части храма. Лицо ее было спокойным, руки сложены на груди. Раньше при храмах часто устраивали кладбища...»

Иван сделал паузу.

– Ты действительно хочешь это слушать? – спросил он пристально глядя на Нину.

– Мне девочка из Воскресной школы сказала, что книга интересная, – ответила она, утвердительно кивая головой.

– Вас заставляют такое читать в Воскресной школе? – неподдельно удивился Иван.

– Нет, что ты. Просто у нее мама работает в храмовой библиотеке и следит за новым поступлением книг, – начала объяснять Нина. – Она прочитала эту книгу и ей очень понравилась. Потом рассказала другим, а я не знала, потому что болела. Вот теперь надо наверстывать.

– Чем могла понравиться книга, которая началась со столь мрачного события, как смерть пятнадцатилетней девочки?! – на полном серьезе возмутился Иван, – ну, ладно, – уступил он, – посмотрим, что будет дальше.

Иван снова принялся читать.

«Хоронили всем приходом. У самого гроба стояла невысокая худощавая девчушка, лет пяти и внимательно наблюдала за происходящим. Арина лежала в небольшом белом гробу в белом платье, а лицо ее сияло каким-то пасхально-радостным светом. «Разве такое бывает?» – думала маленькая Полина, глядя на Арину, красиво лежащую в белоснежных облаках платья и фаты. Казалось, что она улыбалась. Пять нежных розочек, будто живые, украшали воротник платья. Сложно было представить, что такие цветы можно сделать из тонкого разноцветного шелка.

Погода стояла особенно теплая и солнечная. На душе было спокойно и радостно, словно не умерла Арина, но уснула, или правильнее сказать ушла ненадолго, но обязательно вернется.

– Бабушка, расскажи мне про Арину. Ты ее знала дольше меня, – обратилась Полина к бабушке, Рае Степановне, после того, как похороны и поминки закончились, и все стали расходиться по домам.

– Ну, хорошо, слушай историю про девочку со сломанной флейтой.

– Почему сломанной? У нее не было денег, чтобы купить себе новую? – интересовалась Полина.

– Деньги у нее были, вернее у отца... – начала рассказывать Рая Степановна. – Пять лет назад, когда Арине было девять с половиной лет, у нее умерла мама. С отцом они очень сильно горевали и плакали. Мама была очень добрая, словно ангел. Отец Арины начал сильно пить, так что девочка часто бродила по улицам одна и днями могла ничего не есть. Люди смотрели на нее по-разному: кто-то давал хлеба, кто-то прогонял палкой, считая ее за карманного воришку. Дворовые мальчишки часто издевались над ней, то грязью обливали, то из рогатки пуляли, то просто обзывали ее. Арина убегала от них и горько плакала.

Как-то раз она нашла в маминых вещах флейту, на которой та играла ей в детстве. Арина не умела играть, но хорошо помнила, как мама это делала. С тех пор флейта была всегда с ней, словно мамино благословение. Так прошло несколько недель. Улица стала ей как родная сестра. Однажды Арина услышала, как зазвонили колокола перед вечерней службой и, сунув флейту в карман, побежала на звук. Она и раньше слышала их звон, но именно сейчас захотелось откликнуться на этот призыв.

Кроме отца у нее никого не было. Смерть матери была полной неожиданностью для всех. Горе словно штормовая волна застигло отца девочки, Василия Степановича, врасплох. Он так горевал, что совершенно забыл про дочку, так что той приходилось заботиться о себе самой. Она стала приходить к храму, когда звонили колокола, возвещая о начале богослужения, и просила милостыню. Люди подавали деньги, продукты, одежду. Могла так простоять весь день. А чтобы скоротать время пыталась что-то наигрывать на флейте. Кто-то из прихожан показал ей как правильно надо играть, и она стала учиться. Среди прохожих находились и те, кто ворчал на нее, обзывал «попрошайкой», «шпаной» или «грязнулей». Дворовые мальчишки и здесь нашли ее и снова начали издеваться. Несколько раз побивали палками, так что Арина могла укрыться от них только в храме. Вся в слезах, она садилась на скамейке и плакала. Так наплакавшись, вытерев слезы, она подолгу могла бродить среди икон, с интересом разглядывая их. Этот храм был не таким, как тот, куда они ездили с мамой на Пасху, когда она еще была жива. Тот храм был маленьким, деревянным, а этот большой, белокаменный, просторный. Несмотря на наличие строительных лесов вдоль стен, храм поражал своим величием и красотой.

В один прекрасный день настоятель храма поп Прокопий познакомился с ней. Узнав трагедию девочки, он спросил, не хочет ли она помогать убираться в храме за еду. Потом он ходил к отцу Арины, чтобы поговорить. А поговорить им было о чем. Поп Прокопий через пять лет жизни в браке потерял жену, так и не успев обзавестись детьми. С тех пор он уже десять лет жил совсем один. Пережив подобную трагедию, он знал только один путь, как можно выбраться из нее.

Когда поп Прокопий пришел в дом Василия Степановича Таранова, тот сначала не понял, кто перед ним стоит. Он вежливо пригласил гостя на кухню и налил ему стопку водки. Поп Прокопий перекрестился и выпил предложенное залпом. Василий Степанович протянул ему на вилке огурец.

– Василием меня зовут, будем знакомы, – уверенно протянул руку Василий Степанович.

– Поп Прокопий, местный поп, – представился священник и подал руку в ответ. Так его называл почти весь район, а батюшка не обижался. Сам иногда называл себя в шутку «толоконный лоб». Он любил посмеяться над собой, это успокаивало волнение, помогало расположить к себе собеседника...

Поп Прокопий узнал в Василии мастера по росписи. Когда он интересовался этой темой, чтобы расписывать храм, один городской служащий рассказал ему о нем. Одним словом Василий Степанович был художником. Он рисовал не только картины, но раскрашивал предметы интерьера, расписывал статуэтки, стены, делал витражи и все, что связано с нанесением краски на поверхность материала. У него была в музее культуры выставка стеклянной посуды, распи-

санной в разных техниках и стилях. Его картины были выставлены в художественном музее в красной комнате...»

Чтение истории прервал телефонный звонок у Ивана.

– Прости, я должен ответить, – извинился он.

Звонили сообщить, что нужно было выходить в ночь на дежурство. Сложилась непростая ситуация, врачей не хватало. Это означало, что приятную встречу нужно было заканчивать.

– Прости, родная, я должен идти, – сказал Иван, обращаясь к Нине, – ты же знаешь, что у меня работа такая, могут вызвать. Мне надо еще собраться и заехать к маме за инструментом.

– А когда ты вернешься? – немного растерянно спросила Нина.

– Не знаю, – Иван погладил Нину по волосам, – но постараюсь, как только смогу. Слушай, а может, дашь мне эту книгу? Я на дежурстве читаю, если будет время.

– А потом не будешь со мной ее читать? – настороженно спросила Нина.

– Нет, наоборот, – успокаивал Иван, – я подготовлюсь, чтобы интересней прочитать, с выражением, потому что уже буду знать, что написано, – ответил Иван. На самом деле он с подозрением отнесся к рассказу, и хотел найти аргументы, чтобы не читать подобного рода литературу. Затем с улыбкой добавил, – к тому же, мне надо подготовиться для ответов на твои вопросы.

– Но ты же умный, зачем тебе готовиться?

– Только не в этих вопросах. – Иван немного задумался, а потом серьезным голосом сказал, – мне самому еще нужно разбираться. Может, найду того, кто объяснит мне, а я потом объясню тебе, – Иван потрепал Нину по макушке.

– Ну, ладно. Умеешь ты уговаривать, – улыбаясь согласилась Нина, – бери. Смотри только картинки кровью не заляпай, они тут красивые.

Иван громко рассмеялся.

– Я же не в операционной ее читать собираюсь.

– Не знаю, вдруг понравится... – на полном серьезе, пожав плечами, ответила Нина.

В комнату заглянула Вера.

– Мама зовет всех обедать, – бодрым голосом сказала она.

Вновь семья собралась за столом. Даша и дети спели молитву, Анатолий благословил и перекрестил еду на столе, а Иван просто перекрестился. Сразу после обеда он, извинившись, ушел.

Глава 5 «Кривое мерило»

Операция прошла быстро и успешно. В ординаторской было тихо. Бумажную работу Иван уже сделал, ее было немного. В палатах все было спокойно, больные спали. Можно было немного отдохнуть. Иван зажег маленький светильник. Тусклый свет от лампы освещал стол, за которым сидел Иван. В руках он держал толстую тетрадь раскрытую наугад, а на тетрадке лежала книжка, которую дала ему Нина.

Вера с Наташей тоже дежурили в ту ночь. Они периодически приходили в ординаторскую, в основном попить чай и поговорить. Девушки то и дело бросали косые взгляды на Ивана, который сидел, не поднимая глаз. Книжка в самый раз подошла по размеру его лекционной тетради по анатомии за третий курс института. Периодически, то улыбаясь, то вновь становясь серьезным, Иван не обращал внимания на то, что происходило вокруг. Девушки заинтересованно смотрели и молчали. Вдруг тишину нарушил еле сдерживаемый смех.

– Простите, – уже спокойным голосом произнес Иван.

– Что же такого смешного в тетрадке по анатомии человека? – улыбаясь, спросила Наташа.

Иван был удивлен, откуда она знает по какому предмету эта тетрадка.

– Она тут лежит с прошлого понедельника, я вас просила принести, помните? – сказала Наташа. – Пару раз пригодилась в одну из смен. У вас красивый почерк, Иван Николаевич.

Иван опустил голову и продолжил читать. У Веры зазвонил телефон, она ответила, что-то хихикнула и вместе с Наташей они вышли за дверь.

«Поп Прокопий оказался приятным человеком, легким и веселым в общении. Чтобы «разговорить» собеседника, он рассказал пару забавных историй из священнической жизни на приходе.

– Один шестилетний малыш, – начал он свой рассказ, – на занятии воскресной школы спросил: «Правда ли, что человек произошёл от обезьяны?» Когда ему объяснили, что нет, человека создал Бог, тогда он подумал и выдвинул гениальную неodarвинистскую теорию: «Значит, Бог сотворил обезьяну для того, чтобы потом от неё человек произошёл...»

Василий Степанович улыбнулся. Он ведь раньше с женой и Аришей ходил в церковь на все двенадцатые праздники, а его «дорогие девочки», так он их ласково называл, еще и каждое воскресенье. Василия Степановича нельзя было назвать очень набожным. Скорее он верил в Бога, потому что любил свою жену. Она верила, и – он, она молитвы читала и он рядом. Он не мог сказать, что ему Бог в жизни очень помогал, но и не мешал, что тоже успокаивало Василия. После смерти жены он замкнулся в себе, не знал, зачем жить. Не мог без слез смотреть на Арину, которая была копией матери. Раньше ему это нравилось, но теперь, стало просто невыносимым. Вот Василий и пил, чтобы не думать о горе. Когда приятное тепло распространялось по телу, чувствительность несколько притуплялась, а после и вовсе хотелось спать. В тот момент, когда боль уходила, аккуратно перед пьяным забытьем, можно было вспоминать, все что было в прежней семейной жизни до мельчайших подробностей. Только думать об этом как хочется, будто они все вместе и счастливы. Арина в те дни часто видела на глазах отца слезы. Она больше не ходила в школу, но каждый день посещала храм. Ее там кормили, затем взяли в Воскресную школу, чтобы девочка не оставляла учебу совсем. Арина не знала, что делать с отцом, пока поп Прокопий не расспросил ее подробно о событиях, полностью изменивших их жизни. Так у него и возникла мысль о разговоре с Василием.

Поп Прокопий продолжил разговор.

– Или вот еще случай был. Одна прихожанка рассказывала:

«Иду с работы домой через кладбище – так быстрее минут на 15. Зима, узкая тропинка на одну ногу, все как всегда. Вытаскиваю руку из кармана, за варежку цепляются ключи и вылетают в сугроб. Прямо на могилу. Ступор полнейший. Меньше всего в жизни хочется копаться там. Но в голове засела мысль: домой без них не попаду. Ладно, лезу. Мысль крутится. Шуршу в сугробе. И тут идет мужик. А я сижу у могилы, разрываю снег и жалобно так оправдываюсь: – Домой не могу попасть...»

И тут до меня дошло, так смешно стало, а мужик, наверно, больше не пойдет через кладбище».

Василий Степанович улыбался. В его добрых голубых глазах начали появляться маленькие искорки теплоты и надежды.

– Мне одна старушка перепуганная рассказывала, – немного улыбаясь, начал историю Василий Степанович, – как у нее Крещенская вода, взятая в праздник, на следующий же день протухла и позеленела. Она прибежала в слезах к бабушке, а тот спросил где, мол, воду брала, она и призналась что у «бабки». Но, говорит, у нее дома иконы висели, свечи горели, такая, говорит, благопристойная старушка казалась, сама воду освятила. Бабушка тот в ответ рассмеялся и говорит: «Это тебе, мать, еще повезло, что она у тебя не загорелась или не взорвалась. Теперь будешь знать, у кого воду святую брать!»

Поп Прокопий даже покраснел то ли от смеха, то ли от градусов, выпитых за знакомство. Потом успокоившись, серьезно, но ласково сказал:

– Ты, Степаныч, мужик хороший, работающий. Хватит тебе горе запивать, приходи ко мне иконостас будем делать. Ты мастер отменный, весь город знает, а от меня на днях работники в столицу уехали, говорят, нашли более высокооплачиваемую работу. Я тебе золотых гор не обещаю, но стабильное жалование, плюс обеды в нашей трапезной для работников храма. Видишь, сколько сразу вопросов решишь. Будешь сытый и при деле. А потом, на следующий год стены расписывать будем. Мне такие люди как ты очень нужны.

Василий Степанович отставил стопку и внимательно слушал собеседника. Поп Прокопий продолжал.

– Дочка твоя, Арина, уже в храме помогает. Она тебе огурчики, да картошечку приносит, кормит. А сначала на воротах милостыню просила, да о тебе все плакала. Погибает, говорила, папка мой, совсем жить не хочет! Подумай, как ей тяжело одной, – уговаривал поп Прокопий...»

В этот момент в ординаторской сработал сигнал вызова. Иван закрыл книгу и машинально сунул в карман халата. К операции готовили парня семнадцати лет, который выглядел как сорокалетний, ранение под ребра. Когда Иван Николаевич в полной готовности подошел к больному в нос ударил резкий запах алкоголя.

– Какой пьянчуга! Подрался с кем-нибудь... – решительно заявила медсестра, раскладывая на столе хирургические инструменты, – сказали семнадцать лет, а выглядит как старик. Не первый год пьет, да колется. Они там с дружками режутся, а мы их тут спасаем. Потом даже спасибо не скажет, обматерит еще. Иван Николаевич, – обратилась медсестра, – ему можно не делать анестезию, он все равно ничего не почувствует, смотрите какой... запойный пьяница.

С этими словами медсестра скривила такую рожу, да, именно рожу, словно увидела танцующих неуклюже огромных слонов.

– Это наша работа, – спокойным и уверенным голосом произнес Иван Николаевич, – пожалуйста, сделайте все как полагается.

Операция длилась полтора часа. Серьезных повреждений не было, но наложить несколько швов пришлось. Рана была нанесена острым и грязным предметом, поэтому пришлось тщательно ее обработать. Иван Николаевич вспомнил Василия Степановича из книжки и подумал, что не стоит делать поспешных выводов о человеке.

«Может это не „запойный пьяница“, – думал он, – а убитый горем молодой отец, потерявший разом всю семью или любимую жену. Может он стал жертвой разбоя, а не учинил пьяные разборки. Как же легко мы, люди, делаем выводы о человеке даже не думая, что придуманная нами ложь ничего общего не имеет с правдой. Зато как наши искаженные мысли влияют на отношение к человеку! Если бы мы знали, что этот убитый горем отец стал жертвой грабежа, нам стало бы его жаль. Мы бы все силы приложили, чтобы помочь ему. Делали бы свою работу тщательно, аккуратно, с заботой. Но если думать что перед тобой подзаборный пьяница, матершинник, хулиган или вор – совсем другое отношение. Но кто мы такие, чтобы решать, спасать жизнь человеку или нет? Или делать это как-то плохо, вполсилы. Разве потом не будет мучить совесть, напоминая, что ты мог спасти, но не сделал этого из-за личной неприязни к человеку. Нет. Человек только тогда остается человеком, когда он видит себя в ближнем и поступает с ним как с собой, делает ему то, что хотел бы, чтобы делали ему. „Кривое мерило может и прямое сделать кривым“ – так говорила бабушка, приучая нас с Дашей не делать поспешных выводов о человеке и не думать о нем плохо».

Закончив операцию, Иван Николаевич еще раз взглянул на результаты анализов, заполнил нужную документацию и отправился в ординаторскую. Время дежурства заканчивалось. Нужно было собираться домой.

Глава 6 Выбор сердца

Размышляя о людях, и их взаимоотношениях друг с другом, Иван ехал в автобусе домой. Машина была в мастерской, проблемы с трансмиссией требовали некоторого времени для ремонта. Его мысли вновь и вновь возвращались к своей семье. Мама с отцом жили всегда дружно, он не помнил, чтобы они ругались или ссорились. Если в воспитании детей возникали какие-либо разногласия, они решали это наедине и дети узнавали только результат их решения. Вообще, было четко разграничено пространство детей и родителей. Были темы, на которые родители не говорили с детьми. В частности, родители не обсуждали поступки знакомых при детях без особой необходимости. Только в целях назидания и научения могли привести в пример ту или иную семью знакомых. Они с осторожностью при детях высказывались о своих чувствах или отношениях к другим людям, событиям, происшествиям.

Но больше всего Иван любил собрания всей семьей за столом в деревенском доме. Он помнил, когда еще были живы бабушки с дедушками, стол получался особенно мудрым. Старшее поколение рассказывало детям о жизни, учили, наставляли. И делали это так умело, даже с юмором, с примером из личной жизни, с описанием в ярких красках. Их было интересно слушать. Потом все вместе пели что-нибудь доброе, жизнеутверждающее, дед играл на баяне...

Еще в детском садике Иван очень любил петь, все думали, что мальчик будет певцом. Потом научился играть на гитаре – решили, что захочет стать музыкантом. Он в школе с ребятами играл и пел в музыкальной группе. Потом стал лечить животных. Бинтовал лапы поранившимся собакам, промывал гноящиеся глаза, а делать прививки его научил отец.

Однажды выпросил у родителей большой энциклопедический словарь по оказанию первой медицинской помощи. Книжка, созданная для детей, содержала красочные и очень понятные картинки. В одиннадцать лет стал таскать из библиотеки отца серьезные томики книг по болезням. Мало чего понимая в них, он аккуратно перелистывал страницы и разглядывал скудные картинки. В пятнадцать лет три раза начинал читать «Очерки гнойной хирургии», но эта книга пошла не сразу. Только поступив в институт, он с упоением прочитал ее целых два раза за первые два курса.

Когда Иван учился в седьмом классе, какие-то ребята сильно избили его одноклассника, так что врачи не смогли спасти. Именно тогда, в день похорон, он окончательно решил стать врачом. Делать все возможное, чтобы помочь страдающему человеку – вот, что стало для него самой важной идеей, позднее воплощенной в жизни.

Приехав домой, Иван смог только раздеться и плюхнуться на диван. Проспал он часов пять. Когда проснулся, за окном было еще светло, но день клонился к вечеру. В животе урчало, голова немного гудела. Горячий кофе с черствым тостом пришелся кстати. Больше еды не было. Обеды в больнице, ужины у сестры, холодильник несколько дней был пустой.

– Вы дома? – голос Ивана звучал немного хрипло, но звонкая радость сестры в трубке заставили его улыбнуться.

– Как хорошо, что ты позвонил! – ответила радостная Даша, – Анатолий только что пришел из магазина, сейчас доделаю ужин и будем кушать. Приходи!

Уже через пятнадцать минут Иван сидел на знакомой кухне, пил вишневый компот с ватрушкой и был счастлив.

– Смотри, какой пирог мне сегодня дала прихожанка нашего храма, куда мы с мамой ходим. – Даша показала на красивый пакет, где на широкой тарелке красовался ягодный пирог, по высоте больше похожий на торт. – Представляешь, у Анны на днях был день рождения, она мне принесла пирог, а у меня и подарка не было. Надо будет что-нибудь купить к воскресенью.

Пирог был бисквитный, состоял из трех коржей, промазанных легким белым кремом, и украшен свежими ягодами с листочками мяты, аккуратно выложенными на воздушном креме.

– Выглядит аппетитно, – заметил Иван. – А где дети?

– Вера доделывает уроки, а Ниночка ушла к подружке на восьмой этаж с ночевкой, – ответила сестра, – кстати, ты прочитал ее книжку?

– Нет, еще. Ночью привезли одного срочного, – объяснил Иван, – но я читаю. А что, нужна?

– Нет, у нас еще одна есть, – объяснила Даша.

– Ты читала ее? – поинтересовался Иван.

– Да, – быстро ответила Даша.

– Тогда скажи мне, зачем детская писательница пишет про смерть?

– Мария Гришина, говорят наша землячка, – начала Даша, – она не детская, просто писательница, – Даша на секунду задумалась, потом продолжила, – знаешь, а меня это не пугает. Ты прекрасно понимаешь, что люди, в том числе и дети, могут умирать. Проблема не в возрасте. В книге описана правда жизни. Тут есть одна особенность.

– Какая? Я что-то упустил? – удивился Иван.

– Эта книга написана с позиции верующего человека, который не боится смерти телесной. Как бы тебе это лучше объяснить, – задумалась Даша и вдруг опомнилась, – какой самый главный праздник православных христиан?

– Когда освящают куличи и яйца, – начал Иван, – то есть Пасха.

– Именно! А что означает Пасха в переводе, знаешь? – интригуяще спросила Даша.

– Я не такой умный в этих делах как ты, скажи мне.

– Слово Пасха, – начала она, – или «Песах» с древнееврейского означает «проходить мимо». Смерть прошла мимо иудеев, потому что они знали Истинного Бога и молились Ему. Вот главный смысл этого слова. И теперь православные христиане всего мира отмечают этот День как победу жизни над смертью. В Новом Завете Иисус Христос воскрес из мертвых и разрушил смерть. Неверные евреи убили Его, а Он воскрес как Бог во славе. Вечная жизнь победила смерть! Больше ни одна религия не знает такого.

– Тут получается превосходство одного народа над всеми остальными, – начал допытываться Иван. – Иудейский Бог самый главный? Но как же мусульмане, буддисты, да те же католики, они ведь христиане?

– Иудейский Бог – Самый Истинный Бог, – ответила Даша, – а все другие – это бесы. «Спасение от Иудеев» говорил Христос. Католики хоть и признают Христа, но сильно исказили учение о Нем и не только. Придумали того, чего и быть не может. Их учение, как содержащее ересь, было отсечено от истинной Церкви в 1054 году². Остальные поклоняются не Истинному Богу. А люди, поклоняющиеся бесам, всегда были не угодны Ему. «Какое согласие между Христом и Велиаром? Или какое соучастие верного с неверным?» – процитировала Даша слова апостола Павла из второго послания к Коринфянам. – Те, кто служат бесам, не могут оставаться равнодушными к Богу Истинному. «Кто не со Мною, тот против Меня; и кто не собирает со Мною, тот расточает», – Даша привела в пример слова из Евангелия от Матфея, затем пояснила, – противники Бога рано или поздно вступят с Ним в решающий бой не на жизнь, а на смерть, и проиграют его.

² Существуют два критерия истинности Церкви: 1 – апостольское преемство (от Христа через апостолов до настоящих патриархов), 2 – неповрежденность Никео-Царьградского символа веры (точное хранение догматов веры). Только в православной церкви эти условия верно соблюдены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.